

Информация для цитирования:

Темиргазина З. К. Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева / З. К. Темиргазина, Г. А. Орынханова, С. В. Николаенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 316—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-316-331.

Temirgazina, Z. K., Orynkhanova, G. A., Nikolaenko, S. V. (2025). Siberia as a Local Text in Poetry of Pavel Vasiliev. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 316-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-316-331. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева

Темиргазина Зифа Какбаевна¹

orcid.org/0000-0003-3399-7364

доктор филологических наук,
профессор

кафедра русского языка и литературы,

корреспондирующий автор

temirgazina_zifa@pspu.kz

Орынханова Гибадат Аманжоловна²

orcid.org/0000-0003-1864-1802

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы

nrsgo@pspu.kz

Николаенко Сергей Владимирович³

orcid.org/0000-0001-7749-6671

доктор педагогических наук, профессор,
кафедра германской филологии

ns-lk@mail.ru

¹ Павлодарский педагогический
университет им. А. Маргулана
(Павлодар, Казахстан)

² Казахский национальный женский
педагогический университет
(Алматы, Казахстан)

³ Витебский государственный
университет им. П. Машерова
(Витебск, Беларусь)

Siberia as a Local Text in Poetry of Pavel Vasiliev

Zifa K. Temirgazina¹

orcid.org/0000-0003-3399-7364

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and Literature,

corresponding author

temirgazina_zifa@pspu.kz

Gibadat A. Orynkhanova²

orcid.org/0000-0003-1864-1802

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language and
Literature

nrsgo@pspu.kz

Sergey V. Nikolaenko³

orcid.org/0000-0001-7749-6671

Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Germanic Philology
ns-lk@mail.ru

¹ Pavlodar Pedagogical University
named after A. Margulan
(Pavlodar, Kazakhstan)

² Kazakh National
Women's Pedagogical University
(Almaty, Kazakhstan)

³ Vitebsk State University
named after P. Masherov
(Vitebsk, Belarus)

© Темиргазина З. К., Орынханова Г. А., Николаенко С. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на материале поэтических произведений советского поэта Павла Васильева (1910—1937) конструируется сибирский текст как семиотическое явление русской культуры. Привлекается методология Ю. М. Лотмана, согласно которой локальный сверхтекст состоит из трех субтекстов: текста как имени, текста как топоса и текста как времени. В исследовании выявлено, что Сибирь в авторском восприятии персонифицирована как женский образ. Показано, что сибирский топос в метагеографическом изображении поэта предстает самостоятельной независимой территорией — страной. Отмечается, что важнейшими геокультурными элементами топоса выступают великие сибирские реки. Установлено, что города воспринимаются поэтом как конкретно (Омск, Иркутск, Тюмень), так и обобщенно (сибирские Чикаго). Подчеркивается, что к семиотически значимым характеристикам сибирского текста относятся холодный климат и масштабность территории. Показано, что трансляция сибирского текста как хроноса включает диахронию, связывающую прошлое с настоящим и актуализирующую определенные смыслы. В поэмах Васильева изображены типичные сибирские персонажи: купец-золотопромышленник, крестьянин-сибиряк, несущие в себе общие черты сибирского характера. Авторы пришли к выводу о том, что конструирование сибирского текста в поэзии Васильева представляет собой вклад в репрезентацию сибирского текста как важнейшего явления русской культуры.

Ключевые слова:

Сибирь; локальный текст; Павел Васильев; метагеографическая репрезентация; топос; хронос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the poetic works of Soviet poet Pavel Nikolayevich Vasiliev (1910–1937) to construct the Siberian text as a semiotic phenomenon in Russian culture. Utilizing the methodology of Yuri M. Lotman, it posits that the local hypertext comprises three subtexts: text as name, text as topos, and text as time. The study reveals that Siberia is personified in the author's perception as a feminine figure. It demonstrates that the Siberian topos, in the poet's metageographical representation, emerges as an autonomous territory — a country in its own right. Notably, the major geocultural elements of this topos include the great Siberian rivers. The cities are perceived by the poet both concretely (Omsk, Irkutsk, Tyumen) and generically (Siberian Chicagos). The research emphasizes that significant semiotic characteristics of the Siberian text encompass the harsh climate and vastness of the territory. It shows that the transmission of the Siberian text as chronos involves a diachronic connection linking the past with the present, thereby actualizing specific meanings. Vasiliev's poems depict typical Siberian characters: the merchant-gold miner and the Siberian peasant, embodying common traits of the Siberian character. The authors conclude that the construction of the Siberian text in Vasiliev's poetry represents a significant contribution to the representation of Siberian text as a vital phenomenon in Russian culture.

Key words:

Siberia; local text; Pavel Vasiliev; metageographical representation; topos; chronos.

Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева

© Темиргазина З. К., Орынханова Г. А., Николаенко С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение локального текста в русской литературе как сверхтекстового семиотического явления было методологически обосновано Ю. М. Лотманом [Лотман, 1984] и В. Н. Топоровым [Топоров, 2003]. Они представляли «петербургский текст» как поликодовое культурное явление и ставили более широкую в семиотическом и методологическом планах проблему понимания локального, в первую очередь городского текста. Ю. М. Лотман обосновывает необходимость изучения локального текста как элемента культуры: «Рассмотрение Города, включенного в историю цивилизации как текста *sui generis*, естественно. Более того, именно на объекте такого рода некоторые черты текста выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести кодовую гетерогенность — непременно зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовать единый текст» [Лотман, 1984, с. 3]. В. Н. Топоров делает акцент на связи локального текста с вне-текстовыми реалиями, с его помощью «совершается переход а *realibus ad realiora*, «пресуществление» материальной реальности в духовные ценности» [Топоров, 2003, с. 7].

Изучение сибирского текста имеет сложившиеся традиции в российской научной литературе, он конструируется на материале произведений русской художественной литературы, мемуаров, травелогов и т. д. Н. А. Рогачева справедливо отмечает: «Сибирская топка объединяет произведения разных лирических жанров, стилевых течений и литературных направлений, творчество поэтов-сибиряков и писателей, биографически не связанных с Сибирью, произведения русской классики и тексты так называемого “второго ряда”» [Рогачева, 2010, с. 244]. Цель нашего исследования — осуществить конструирование сибирского текста как имени, как топоса и как хроноса на материале поэзии Васильева, выявив типичные и индивидуально-авторские черты в его художественной репрезентации.

Для Павла Николаевича Васильева (1910—1937) Сибирь была значимым топомосом его биографии. Он родился в восточно-казахстанском городе Зайсан, вырос в Павлодаре, несколько лет в юнестве прожил в Омске, куда перевели его отца, учителя. В конце 1920-х годов он странствовал по Сибири вплоть до Дальнего Востока: «Павел Васильев изъездил Сибирь вдоль и поперек. Каких только не повидал мест, кем только не работал: старателем на золотых приисках в отрогах Яблонового хребта, каюром в тундре, культработником на Сучанских каменноугольных копях, экспедитором, инструктором физкультуры, плавал на баржах по Оби, Енисею, Амуру» [Поделков, 1989, с. 11]. Побывал он в 1927 году и в Новосибирске, где в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни» опубликовал несколько стихотворений. Именно в эти годы в заглавии его произведений появляется топоним *Сибирь*: «Сибирь» (1928), «Сибирь! Все ненасытнее и злей...» (1930), «Рассказ о Сибири» (1930), а также поэмы, в которых Сибирь выступает частью хронотопа: поэмы «Синицын и К°» (1934), «Соляной бунт» (1932—1933), «Принц Фома» (1935—1936).

Хотя творчество Павла Васильева изучено достаточно подробно, сибирский текст как целостное семиотическое явление в его поэзии ранее не анализировался. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, рассматривая Сибирь как один из ключевых локальных текстов русской культуры.

2. Методы, материал, обзор = Material, Methods, Review

Следуя теории локального текста Ю. М. Лотмана, мы используем методологию конструирования сверхтекста, рассматриваемого как текст-имя, как текст-место и как текст-время. Сибирский текст в поэзии Васильева конструируется нами как целостное культурное явление в трех перечисленных ипостасях.

Субъективно-личностная тенденция в трактовке образа Сибири обусловлена биографией автора. В статье применен биографический метод, позволяющий связать факты биографии поэта с идейно-художественным содержанием его произведений. Кроме этого, мы использовали историко-литературный метод, с помощью которого было проанализировано отражение исторических фактов в художественном тексте и установлено их влияние на него. Тексты произведений П. Н. Васильева анализируются по двухтомному собранию сочинений, которое является на сегодняшний день наиболее полным изданием произведений поэта [Васильев, 2009а; Васильев, 2009б]. По этому же изданию выявляется количество употреблений того или иного слова в художественном тексте, что определяет семантическую значимость лексемы в нем.

Исследования сибирского текста как сверхтекста культуры и литературы (с позиций Лотмана) относятся к последним десятилетиям XX века — началу XXI века. Специфика художественного изображения сибирского ландшафта, климата, традиций в русской литературе, мемуаристике, фольклоре стали предметом исследования в коллективных научных трудах начала XXI века [Сибирский текст ..., 2002; Сибирский текст ..., 2007 и др.].

В работах литературоведов последних десятилетий углублялись различные аспекты конструирования сибирского текста. В. И. Тюпа использовал мифологический подход к сибирскому тексту русской литературы, выявил в нем реализацию архетипического лиминального мифа об инициации [Тюпа, 2002]. Исследователи также полагали, что Сибирь в сознании русских представляется местом перерождения и начала новой жизни [Sunderland, 2001]. В книге [Between Heaven and Hell ..., 1993] описана противоречивая, амбивалентная мифологическая природа представлений о Сибири, включающих широкий диапазон ее характеристик — от райского места до адского. В работе Д. Н. Замятина мифы рассматриваются как метагеографические явления локального сверхтекста [Замятин, 2008]. Е. Н. Эртнер характеризует сибирский текст в русской прозе конца XIX — начала XX веков как часть феноменологических представлений о провинции, противопоставленной столице [Эртнер, 2005]. Актуальная проблема методологии изучения сибирского текста в русской лирике поставлена Н. А. Рогачевой [Рогачева, 2010]. Образ Сибири как «ultima Thule» — неизведанного края света — в семиозисе знака Сибирь представлен в статье М. А. Кайгородовой [Кайгородова, 2023].

Вне поля зрения исследователей не могли остаться и сибирские тексты в творчестве отдельных русских писателей и поэтов: А. Н. Радищева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. [Якобсон, 1966; Рогачева, 2000; Рогачева, 2010; Тюпа, 2002; Сафронова, 2021 и др.]. Амбивалентность представлений о Сибири как месте ссылки и как месте апостольского служения была, по мнению В. И. Тюпы, заложена еще в «Житии» протопопа Аввакума [Тюпа, 2002].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сибирь как имя

Топоним *Сибирь* упоминается в произведениях Васильева 15 раз. Он несколько раз помещает его в семантически «нагруженную» заглавную позицию своих произведений.

Географический объект воспринимается им как живое существо женского пола, что мотивируется, с одной стороны, женским родом существительного *Сибирь*, а с другой стороны, особым отношением поэта к женщи-

не, проникнутым любовью и преклонением в лирических стихотворениях, посвященных женщинам, сыгравшим огромную роль в его жизни: матери Глафире Матвеевне, бабушке Варваре Федоровне, любимым женщинам Галине Анучиной, Елене Вяловой, Наталье Кончаловской и т. д. Топоним употребляется в синтаксической позиции обращения 5 раз. Поэт ведет диалог с Сибирью как с близким человеком, старинной знакомой, обращаясь к ней на *ты*.

Действительно, Сибирь хорошо знакома ему и любима им, он немало побродил по ней. Поэт дорого расплатился за любовь к ней, в том числе тюремными сроками и своей жизнью. В 1932 году его вместе с Е. Забелиным, С. Марковым, Л. Мартыновым и другими сибирскими литераторами арестовали по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе, так называемой «сибирской бригаде». После третьего ареста за участие в деятельности «сибирской бригады» писателей, якобы организовавших покушение на И. В. Сталина, 16 июля 1937 года он был расстрелян. В 1956 году Верховным Судом СССР Павел Васильев был реабилитирован.

Образ Сибири как женщины амбивалентен, поэт приписывает ей такие эмоции и черты характера, как ненасытность и злость, любовь к шубам и дорогим мехам:

Сибирь!

Все ненасытнее и злей

Кедровой шкурой дебрей обрастая,

Ты бережешь

В тучиобной мгле своей

Задымленную проседь соболей

И горный снег

Бесценных горностаев [Васильев, 2009а, с. 144].

Поэт неоднократно называет Сибирь страной: «Рассказ о стране начинается так» [Там же, с. 146]. Тем самым он расширяет семантику топонима, отдавая дань масштабности и уникальности Сибири, интуитивно придавая ей статус самостоятельной, независимой географической территории — «страны».

Несомненно, что в сибирском тексте, помимо онтологического компонента и идейно-художественной позиции автора, присутствует личностно-субъективное восприятие топоса, его имени, что делает васильевский сибирский текст индивидуально-авторским и вовлекает читателя в эмоциональное сопереживание и «освоение» текста как близкого ему.

3.2. Сибирский текст как топос

Представление текста как топоса непосредственно связано с обозначением его пространственных границ. Границы Сибири очерчиваются по-

этом с помощью топонимов *Казахстан, Байкал*: «...от казахстанских выжженных степей / До берегов кудлатого Байкала» [Там же, с. 145].

Важным признаком сибирского текста является огромный масштаб территории: «*Страна обширна и сурова...*» [Васильев, 2009б, с. 350]. Необъятность ее просторов сублимируется в мотиве бродяжничества лирического героя: «*Я уж давно и навсегда бродяга...*» [Васильев, 2009а, с. 83]; ориентиром бродяг являются только пути «*перелета птиц*», «*проталины туманов*».

Значимой характеристикой сибирского текста как топоса являются климатические особенности: морозы, холод, которые закаляют жителей, делают их характер суровым и стойким, способным к преодолению вызовов природы. В формировании сибирского характера участвует «осознаваемая связь с местом — территорией, в отношении которой возникает чувство пространственно-временной идентификации» [Голомидова, 2024, с. 59]. В личности самого Васильева проявляются черты сибирского характера: независимость и самостоятельность, выделяющие его в московской литературной среде 1930-х годов. Не случайно его называли там сибиряком: не только из-за происхождения, но и из-за размашистого, волевого характера, непокорного, буйного поведения, не вписывающегося в рамки московской рафинированной среды. Л. П. Быков приводит высказывания некоторых советских критиков того времени о чужеродности Васильева в кругах московских литераторов, что явилось одной из причин его трагического конца: «А. Коваленков, считавший П. Васильева “совершенно чуждым для нас”, называл его “стихийно талантливым русским, но не советским поэтом”, а критик А. Макаров <...> обращал внимание на то, что “для 30-х годов путь П. Васильева был исключителен”, поэт “не вливался в поток советской литературы” и потому “борьба против Павла Васильева была неизбежна”» [Быков, 2011, с. 49].

В поэме «Принц Фома» суровый сибирский климат описан глазами иностранца — французского офицера, из окон поезда наблюдающего за зимним сибирским пейзажем:

Спит край морозный, непроезжий,

И звезды крупные, медвежьи

Урюмым пламенем горят [Васильев, 2009б, с. 348].

Васильев транслирует в своей поэзии стереотип Сибири как богатого края, как «страны охоты» и рыбного промысла. Красота сибирской пушнины описана в образных метафорах: «...задымленная проседь соболей и горный снег бесценных горностаев» [Васильев, 2009а, с. 144]. В гиперболизированном фольклорно-сказочном стиле рисует поэт изобилие зверей, драгоценной пушнины, птиц и рыб:

*Край богат. По Тоболу и дальше, в леса,
Собирай, словно ягоду, соболя, бей горностая,
Заводи неводами лисиц черно-бурых и красных
Там на лбах у сохатых кусты костяные растут,
И гуляют вразвалку тяжелые шубы медвежьи.*

*Край обилен. Пониже, к пескам Чернолущья,
Столько птицы, что нету под нею песка.*

И из каждой волны осетринные жабры да щучьи [Васильев, 2009б, с. 57].

На огромном пространстве Сибири поэт выделяет некоторые отдельные географические локусы, особенно значимые для него, создавая, таким образом, собственную метагеографию Сибири. В метагеографии изучаются «фундаментальные основы образного взгляда на географическое пространство и в то же время создаются литературные, художественные образцы такого взгляда» [Замятин, 2004, с. 6]. Метагеографическими знаками в картографировании сибирского топоса Васильева выступают прежде всего элементы пространственно-водной компоненты: реки Иртыш, Обь, Тобол, Ишим, Лена, озеро Байкал. Исследователи считают эту особенность восприятия Сибири типичной для поэзии XX века: «Центральным топосом Сибири стала река, бурное движение воды, устремленной к краю земли, краю жизни» [Рогачева, 2010, с. 246]. Топоним *Иртыш* упоминается в произведениях Васильева 31 раз, *Обь* — 7 раз, *Тобол* — 3 раза, *Ишим* — 2 раза, *Лена* — 1, *Байкал* — 1 раз. Любовь к рекам, видимо, связана с субъективным жизненным опытом автора. На Иртыше, реке его родины, он провел детские годы (в Павлодаре) и юношеские (в Омске). Именно поэтому этой могучей сибирской реке посвящены многие произведения: «Я вышел на берег, играл...» (1926); «По Иртышу» (1927); «Там, где течет Иртыш» (1927); «Пароход» (1928); «Иртыш» (1934) и др. Строки об Иртыше пронизаны любовью к родине и ностальгией по ней: *«река просторной родины моей», «князь рыб и птиц, беглец зеленоводый»* [Васильев, 2009а, с. 296].

Автор создает уникальные макрообразы великих сибирских рек как могучих и непокорных живых существ [Акошева и др., 2022, с. 147—148]. Одушевление, очеловечивание рек, приписывание им поведения, человеческих эмоций, отличающихся интенсивностью, крайней степенью выраженности, относится к специфическим чертам метагеографического восприятия Сибири у Васильева:

Крутая Обь и вспененный Иртыш

Скрестили крепко

Взбухнувшие жилы [Васильев, 2009а, с. 145].

*А за сотню верст,
В пену одеж колена,
Полной горстью
Влаги разбрасывая изумруд,
Исцарапав руки о камень,
Дичала Лена* [Васильев, 2009б, с. 249—250].

В васильевской метагеографии Сибири отмечены топонимы некоторых реальных городов: *Омск* (14 употреблений), *Тюмень* (2 употребления), *Иркутск* (1 употребление); с некоторыми городами он связан биографически, например с Омском, куда перевели отца поэта, учителя, и где он провел юношеские годы.

В поэме «Синицын и К°» топосом основных событий является вымышленный, условный город Зейск, что необычно для Васильева, который предпочитает выбирать местом действия своих произведений реальные географические объекты. Трудно осуществить географическую привязку Зейска к какому-нибудь сибирскому городу. Упоминание о золотодобыче наводит на мысль о Ленских приисках, однако в поэме также говорится о казахах, устраивающих праздничную байгу («скачки»), что ближе к Омску, Иртышу (см.: [Дерунова и др., 2024]). Зейск — это созданный художественным воображением поэта образ сибирского города с его типичными чертами, не имеющий конкретного прообраза.

Поэт также создает в ряде стихотворений обобщенный образ сибирского города, используя метафору «*в бетон наряженные города*». Он является частью антитезы «город — природа», пронизывающей художественные тексты о Сибири. Сибирские города в советском будущем изображаются с помощью апелляции топонима Чикаго: «...*среди тайги сибирские Чикаго*» [Васильев, 2009а, с. 83].

Колорит и экзотичность сибирского текста-топоса передаются с помощью орнаментальной «сибирской» лексики как органичного средства создания уникального образа Сибири: номинаций животных (*сохатый, соболь, горноста́й*), деревьев (*кедр*), лесов (*тайга, урманы*), названий народов-автохтонов (*тунгусы, якут*) и т. п.

3.3. Сибирский текст как хронос

Репрезентация сибирского текста как времени предполагает обращение к диахроническому аспекту, который помогает выявить его связующие нити с эпохой, современной автору. В синхронию текста, таким образом, включается смыслопорождающий механизм исторической культурной памяти, генерирующий определенные представления, мифы и стереотипы в сознании носителей русской культуры.

Один из стереотипов о Сибири сложился в результате исторической практики царизма высылать туда преступников на каторгу. Историк

Е. В. Головнева пишет об этом: «Важными параметрами конструирования образа Сибири являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия <...>, дистанцирование сибиряков себя от других сообществ, в первую очередь от жителей Европейской России» [Головнева, 2016, с. 212—213]. Наибольшую известность как inferнальный образ Сибирь получила после ссылки декабристов. В глазах Павла Васильева представление о Сибири как месте каторги уже изжило себя и является «давно пропетой и каторжной былью» [Васильев, 2009а, с. 83].

При конструировании сибирского текста Васильева исследователю необходимо учитывать, что в его художественной картине мира воплощаются советские идеологемы 30-х годов XX века. Л. П. Быков справедливо отмечает, что Васильев принадлежит к поэтам советской эпохи, но идеологический посыл у него вторичен: «Павел Васильев <...> осознал свое место именно в советской поэзии. Однако социально-идеологический посыл не был главенствующим в его стихах и поэмах, тем уже и отличных от тогдашних созданий Я. Смелякова или того же А. Твардовского» [Быков, 2011, с. 52]. Далее Быков приходит к достаточно нетривиальной мысли об определенной резонансности претензий советских критиков к «несоветскости» поэта [Быков, 2011, с. 49]. Таким образом, сибирский текст Васильева обусловлен его глубокой личной привязанностью к Сибири, искренним восхищением ею и ощущением метафизического родства с ней.

В поэме «Соляной бунт» Васильев обращается к началу колонизации Сибири в XVII веке уральскими казаками под предводительством Ермака, «этими лыцарями с Яика». «В этот период идеализируются богатства восточной стороны, изобилие животного мира, плодородие сибирской земли» [Кайгородова, 2023, с. 120]. Поэт описывает сопротивление Сибирского ханства завоеванию. Сибирь оказалась для казаков не только «краем богатым, обильным», но и «краем чужим», «краем недобрым» [Васильев, 2009б, с. 57].

Поэма характеризуется своеобразной транскультурной стилистикой. По мнению Д. Н. Замятина, поэма представляет собой яркий пример гибридного геокультурного текста, порождающего уникальные представления и образы, «принципиально отличающиеся от предыдущих репрезентаций — как геокультуры колонизирующей, так и геокультуры колонизируемой» [Замятин, 2023, с. 68].

В поэме «Синицын и К°» (1933—1934) Васильев изображает капиталистическое прошлое Сибири. В этом произведении много общего с сибирским текстом Д. Н. Мамина-Сибиряка, особенно с романом в жанре семейной хроники «Приваловские миллионы». Их объединяет авторский

идейно-художественный замысел: показать семейную хронику сибирских купцов в нескольких поколениях. Васильев описывает историю купеческой семьи Синицыных, «ангелов мукомольных», с середины XIX века до октябрьской революции. Дело Федула Синицына, почти загубленное разгулом и пьянством, продолжает его сын — Артемий Федулыч Синицын. Он повел дело по-новому:

Он не копил,

Он крутил обороты —

Деньгу работать гнал! [Васильев, 2009б, с. 247].

С. А. Поделков считает героя поэмы типичным русским капиталистом: «Артемий Синицын, мукомол и золотопромышленник, “зануздавший золото” Сибири, — это ли не образ развития капитализма в России!» [Поделков, 1989, с. 15]. Пожив недолгое время в Москве, «матери купечества», Артемий Федулыч привозит оттуда невесту, Ирину Горлицыну, из захудалого, но княжеского рода. Исследователь характеризует своеобразие самоидентификации купцов-сибиряков, отличающее их от купечества европейской части России: «Буржуазия Сибири, столкнувшаяся с конкуренцией со стороны предпринимателей и торговцев из Центральной России, начала осознавать свою “сибирскость” и сохраняла эту идентификацию даже тогда, когда перебиралась в столичные центры» [Головнева, 2017, с. 217].

Изображая капиталистическую эпоху Сибири как отжившую, как «трупщобную мглу», лирический герой видит ее развитие и прогресс в «ином», социалистическом пути, в упрочении советской власти:

Сибирь, когда ты на путях иных

Встаешь, звеня,

В невиданном расцвете [Васильев, 2009а, с. 144].

Мотив будущего «невиданного расцвета» Васильева воплощается в антитезе «город — природа». Город ассоциируется с индустриализацией, с движением к прогрессу, когда «*среди тайги сибирские Чикаго до облаков поднимают этажи*» [Васильев, 2009а, с. 83], а природа — с сонным покоем, патриархальным укладом жизни.

Социалистическое будущее для Сибири неизбежно, ей не уйти от предначертанной судьбы: «*Все дальше вглубь теперь уходят звери, / Но не уйти им от своей судьбы*» [Васильев, 2009а, с. 83]. Тем не менее Павел Васильев не приукрашивает действительность даже из идеологических соображений, он показывает сопротивление сибиряков советской власти в поэме «Принц Фома». Она написана в народно-смеховом, юмористическом ключе. Сибирские просторы, размах характера сибиряков, их обычаи изумляют, поражают и пугают рафинированных французов, которые в союзе с воинством Фомы решили «создать в Сибири против анархии оплот»

[Васильев, 2009б, с. 350]. С раблезианским юмором изображена сцена приема «мужицким» князем Фомой французской делегации. В частности, показаны «гротескные преувеличения количества еды, питья и одежды» [Бахтин, 1990, с. 134]:

*Телячьи головы на блюде,
Лепешки в масляной полуде —
Со вкусом убраны столы!
В загоне, шевеля губою.
Готовы к новому убою,
Стоят на привязи волю.
Пирог в сажень длиной, пахучий,
Завязли в тесте морды иучьи,
Плывет на скатерти икра* [Васильев, 2009б, с. 349].

Французские гости «с ужасом взирают» на Фому, который «губу задрав, из кости / Обильный сладкий мозг сосет», «мясо цельными кусками / Берет умытыми руками / И отправляет сразу в рот» [Васильев, 2009б, с. 349]. С. А. Поделков восхищается мастерством поэта в создании колоритных «сибирских» персонажей: «А как искусно изображен Фома, принц на час, мужичок — себе на уме, губернский временщик с аппетитом Гаргантюа и замашками громилы» [Поделков, 1989, с. 15].

В эпических поэмах «Синицын и К^о», «Принц Фома» васильевский сибирский текст «персонализируется» и обретает человеческое лицо в главных героях, неординарных сильных личностях: купце-миллионщике Синицыне, крестьянине-сибиряке Фоме, возглавившем борьбу против Советской власти. Не случайно их имена занимают заглавную позицию в поэмах.

4. Заключение = Conclusions

В сибирском тексте в поэзии Павла Васильева транслируются некоторые общекультурные стереотипы о Сибири, однако поэт придает им своеобразную трактовку, продиктованную его мировоззренческой и идейно-художественной позицией. Кроме того, значительную часть сибирского текста формируют индивидуально-авторские представления о Сибири, связанные с его биографией. Сибирь воспринимается поэтом, во-первых, как персонифицированный женский образ и, во-вторых, как самостоятельная, независимая территория — страна.

Васильевым создана образная метагеография Сибири. Значимые геокусы на карте Сибири — реки Иртыш, Обь, Тобол, Лена. С городом связаны надежды поэта на индустриальный прогресс и развитие Сибири в Советской республике. Сибирский текст обретает человеческое лицо, воплощенное в типичных сибирских персонажах.

Мы согласны с позицией Н. А. Рогачевой, которая обобщила разные подходы к изучению феномена сибирского текста: «Принципиально, что подходы, доминирующие сегодня в исследованиях сибирского текста, не исключают друг друга, позволяя высветить разные смысловые слои одного феномена. Пути к выявлению его структуры соотносятся по принципу дополнительности, и в первую очередь заметим, что художественная семантика Сибири исторически изменчива. Исследователи так или иначе учитывают проблему диахронности сибирского текста» [Рогачева, 2010, с. 243—244].

Таким образом, васильевский сибирский текст предстает как неотъемлемая органичная часть сибирского текста в русской культуре, ретранслируемого в литературных произведениях. Комплекс сибирских текстов русской литературы представляет собой незамкнутую открытую семиотическую систему, связанную ретроспективными и перспективными отношениями отдельных ее элементов и тенденциями развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х т. Стихотворения / П. Н. Васильев ; сост. Л. С. Кашина, З. С. Мерц. — Алматы : [б. и.], 2009а. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 978-601-280-000-5.
2. *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х т. Поэмы. Проза. Письма / П. Н. Васильев ; сост. Л. С. Кашина, З. С. Мерц. — Алматы : [б. и.], 2009б. — Т. 2. — 498 с. — ISBN 978-601-280-001-2.

Литература

1. *Акошева М. К.* С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке / М. К. Акошева, К. Х. Рахимжанов, З. К. Темиргазина // *Slavia Centralis*. — 2022. — № 15 (1). — С. 138—154. — DOI: <https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138-154.2022>.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.
3. *Быков Л. П.* Поэмы и лирика Павла Васильева / Л. П. Быков // *Русская литература XX—XXI веков : направления и течения*. — Екатеринбург : [б. и.], 2011. — Выпуск 12. — С. 48—62.
4. *Головнева Е. В.* Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации / Е. В. Головнева // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. — 2016. — № 4. — С. 211—220.

5. Голомидова М. В. Северная «мозаика» : территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа / М. В. Голомидова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 56—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71.
6. Дерунова Е. Н. Семиотическое прочтение поэмы Олжаса Сулейменова «Хромой кулан» / Е. Н. Дерунова, З. К. Темиргазина // Тіл және әдебиет теориясы мен тәжірибесі. — 2024. — Т. 3. — № 2. — С. 39—55. — DOI: 10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55.
7. Замятин Д. Н. Метагеография : пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва : Аграф, 2004. — 506 с. — ISBN 5778402376, 9785778402379.
8. Замятин Д. Н. Локальные мифы : модерн и географическое воображение / Д. Н. Замятин // Литература Урала : история и современность : Сб. ст. Локальные тексты и типы региональных нарративов. — Екатеринбург : [б. и.], 2008. — Выпуск 4. — С. 10—12.
9. Замятин Д. Н. Сопространственность и геокультурные тексты : от литературных колонизаций к трансграничным картографиям воображения / Д. Н. Замятин // Уральский исторический вестник. — 2023. — № 4 (81). — С. 66—75. — DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4[81]-66-75.
10. Кайгородова М. А. Образ «ultima Thule» (край света) в семиозисе знака Сибирь / М. А. Кайгородова // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 116—127. — DOI: 10.17223/18137083/85/9.
11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю. М. Лотман. — Тарту : [б. и.], 1984. — Выпуск 18. — С. 30—45.
12. Поделков С. А. Ему дано восстать и победить... / С. А. Поделков // П. Н. Васильев. Стихотворения и поэмы. — Москва : Советская Россия, 1989. — С. 5—20.
13. Рогачева Н. А. На краю ойкумены : Западная Сибирь в русской литературе / Н. А. Рогачева // Филологический дискурс : Вестник филологического факультета ТюмГУ. — 2000. — Выпуск 1. — С. 37—42.
14. Рогачева Н. А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики / Н. А. Рогачева // Вестник ТюмГУ. — 2010. — № 5. — С. 240—247.
15. Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского : биография, эпистолярный, творчество : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. Ю. Сафронова. — Москва : МГУ, 2021. — 507 с.
16. Сибирский текст в русской культуре : к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири : Сб. статей. Ред.-сост. А. П. Казаркин. — Томск : Сибирика, 2002. — 270 с. — ISBN 5-902350-09-3.
17. Сибирский текст в русской культуре : сборник статей / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. — Томск : Сибирика, 2007. — Выпуск 2. — 273 с. — ISBN 9785751117955; 5751117955.
18. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : «Искусство—СПб», 2003. — 616 с. — ISBN 5-210-01545-9.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025,
одобрена после рецензирования 28.08.2025,
подготовлена к публикации 10.09.2025.

Material resources

- Vasiliev, P. N. (2009a). *Collected works. In 2 volumes. Poem, 1*. Almaty: [b. i.]. 448 p. ISBN 978-601-280-000-5. (In Russ.).
- Vasiliev, P. N. (2009b). *Collected works. In 2 volumes. Poems. Prose. Letters, 2*. Almaty: [b. i.]. 498 p. ISBN 978-601-280-001-2. (In Russ.).

References

- Akosheva, M. K., Rakhimzhanov, K. H., Temirgazina, Z. K. (2022). To whom do we compare ugly people? *Standards of ugliness in the Russian language. Slavia Centralis, 15 (1)*: 138—154. DOI: <https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138-154.2022>. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1990). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).
- Bykov, L. P. (2011). Poems and lyrics by Pavel Vasiliev. In: *Russian literature of the XX—XXI centuries: trends and trends, 12*. Yekaterinburg: [b. i.]. 48—62. (In Russ.).
- Derunova, E. N., Temirgazina, Z. K. (2024). Semiotic reading of Olzha's poem Suleimenova's "The Lame Kulan". *Til zhane adebiet teoriyasi men tazhibesi, 3 (2)*: 39—55. DOI: 10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2024). Northern "Mosaic": Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District. *Nauchnyi dialog, 13 (9)*: 56—71. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71>. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2016). Formation of the image of Siberia in the process of its colonization. *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 4*: 211—220. (In Russ.).
- Kaigorodova, M. A. (2023). The image of "ultima Thule" (the edge of the world) in the semiosis of the sign Siberia. *Siberian Philological Journal, 4*: 116—127. DOI: 10.17223/18137083/85/9. (In Russ.).
- Kazarkin, A. P. (ed.). (2002). *The Siberian text in Russian culture: on the 400th anniversary of Tomsk and the 125th anniversary of the first University of Siberia: Collection of articles*. Tomsk: Sibirika Publ. 270 p. ISBN 5-902350-09-3. (In Russ.).
- Kazarkin, A. P. (ed.). (2007). *The Siberian text in Russian culture: a collection of articles, 2*. Tomsk: Sibirika. 273 p. ISBN 9785751117955; 5751117955. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1984). The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. In: *Semiotics of the city and urban culture. St. Petersburg. Works on sign systems, 18*. Tartu: [b. i.]. 30—45. (In Russ.).
- Rogacheva, N. A. (2000). On the edge of the Ecumene: Western Siberia in Russian literature. *Philological discourse: Bulletin of the Faculty of Philology of Tyumen State University, 1*: 37—42. (In Russ.).
- Rogacheva, N. A. (2010). Methodological problems of studying the Siberian text of Russian lyrics. *Bulletin of Tyumen State University, 5*: 240—247. (In Russ.).
- Safronova, E. Y. (2021). *The Siberian text of F. M. Dostoevsky: biography, epistolary, creativity*. Doct. Diss. Moscow: Moscow State University. 507 p. (In Russ.).
- Samodkov, S. A. (1989). It is given to him to rise up and win ... In: P. N. Vasiliev. *Poems and poems*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 5—20. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB. 616 p. ISBN 5-210-01545-9. (In Russ.).

- Zamyatin, D. N. (2004). *Metageography: the space of images and images of space*. Moscow: Agraf. 506 p. ISBN 5778402376, 9785778402379. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2008). Local myths: modernity and geographical imagination. In: *Literature of the Urals: history and modernity: Collection of articles Local texts and types of regional narratives*, 4. Yekaterinburg: [b. i.]. 10—12. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2023). Co-space and geocultural texts: from literary colonizations to cross-border cartographies of the imagination. *Ural Historical Bulletin*, 4 (81): 66—75. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-66-75. (In Russ.).

*The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 28.08.2025;
accepted for publication 10.09.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Ангелина Ростиславовна Салчинкина, канд. истор. наук (Краснодар)
Андрей Аркадьевич Пасс, д-р истор. наук (Челябинск)
Андрей Игоревич Бережнов, преподаватель (Москва)
Вадим Маркович Дида, аспирант (Челябинск)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Нижевартовск)
Виктория Валерьевна Хуциева, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Денис Александрович Бажанов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук (Москва)
Константин Владимирович Самохин, канд. истор. наук (Тамбов)
Максим Андреевич Мухин, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Марина Юрьевна Лаптева, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Петровна Цысь, канд. истор. наук (Нижевартовск)
Роман Сергеевич Авилов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург, Владивосток)
Сардана Николаевна Копырина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Светлана Алексеевна Козлова, соискатель (Улан-Удэ, Иркутск)
Светлана Владимировна Васильева, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Сергей Александрович Офицеров, аспирант (Тамбов)
Сергей Дмитриевич Васильев, младший научный сотрудник (Москва)
Степан Александрович Пьянков, канд. истор. наук (Екатеринбург)